
ОБЪЕКТЫ УЧЕТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И НЕСТАЦИОНАРНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Одинцова Татьяна Михайловна, канд. экон. наук

Севастопольский государственный университет, Университетская ул., 33, Севастополь, Россия, 299053; e-mail: odintsova06@mail.ru

Предмет: вопросы бухгалтерского учета в условиях нестационарности среды и цифровизации в силу сложности восприятия многих новых и нестандартных экономических объектов, подлежащих признанию и отражению в системе отчетной информации, тиражируемого мнения о замене учета средствами искусственного интеллекта в недалекой перспективе. *Цель:* выявление наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на учетную систему, оценка видения его концептуальной сферы, характеристика ряда новых объектов учета и направлений модернизации в условиях вызовов современности. *Дизайн исследования:* авторы предлагают видение перспектив развития учета, изменений в его предметном поле, объектах и методах в условиях цифровой трансформации социально-экономических процессов. Акцент сделан на осмысление роли бухгалтерского учета в цифровой информационной среде, изменения в его семантике и понятийном аппарате, определении цифровых и связанных с цифровой трансформацией объектов, путей развития методов и процедур учета. *Результаты:* сформулировано видение дальнейших возможностей развития и модернизации теории и практики бухгалтерского учета.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, цифровизация, объекты, методология, актив, цифровые активы, цифровые финансовые активы, виртуальное цифровое имущество, цифровые права, криптовалюта, электронные денежные средства, токены.

DOI: 10.17308/meps.2022.5/9249

1. Введение

Современная социально-экономическая среда отличается не просто нестабильностью, но и турбулентностью, связанной с влиянием большого количества факторов риска, во многом определяющих траекторию развития и стратегию большинства экономических субъектов. Оценивая факторы внешнего воздействия, формирующих, высокую степень неопределенности и риска современной бизнес-среды, можно выделить в числе наиболее зна-

чимых из них тенденцию к росту повторяемости кризисов и последующих экономических рецессий, связанных с геополитическими и экономическими противостояниями, экологических и социальных и гуманитарных угроз, внешних ограничений для свободного функционирования цепочек создания стоимости. Все это в целом не способствует целям устойчивого развития как национальных экономик, так и мировой социально-экономической системы в целом.

Также системно важным фактором изменений в социально-экономической среде являются четвертая промышленная революция и глобальные изменения в технологиях, связанные с переходом к шестому технологическому укладу, в частности определившие цифровизацию всех этапов создания и потребления ценности и изменение структуры отношений производитель-рынок-потребитель. Это проявляется в виртуализации бизнес-среды, дематериализации продукта, изменении форм и механизмов взаимодействий с акторами рынка, развитие новых бизнес-моделей на основе цифровых платформ и онлайн-услуг. В контексте высокой конкуренции и нестабильности среды экономические субъекты все в большей степени диверсифицируют свою деятельность, формируют бизнес-экосистемы и практикуют новые операционных модели на базе цифровых продуктов. Бизнес переходит от крупных оргструктур к более гибким клиент-ориентированным конструкциям, решающим задачи в режиме реального времени на базе холакратии, ситуативного подхода и проектных технологий. Это требует новаций в системе управления, обеспечивающих ее стратегическую и в то же время ситуативную (в контексте динамики среды) направленность, оперативность и уход от жестких линейных форм организации к адаптивно-матричным и проектным.

Таким образом, цифровая трансформация и нестационарность среды в значительной степени преобразуют экономическую деятельность, систему управления ею и поддерживающие информационные практики, в первую очередь бухгалтерский учет. В контексте происходящих изменений важна переоценка и переосмысление его содержательных и методологических особенностей: концептуальной сферы учета, его предметного поля и объектов, критериев их признания, оценки и систематизации, содержание и характер учетной информации.

В последние десятилетия бухгалтерский учет все чаще подвергается критике и нападкам как недостаточно эффективная информационная практика; даже сам факт его дальнейшего существования в контексте стремительной экспансии цифровых технологий зачастую ставится под сомнение. Поэтому требуется более широкий взгляд на учет как информационную практику, отход от обособленности в системе экономических знаний и функциональностей, расширение предметного поля и концептуальной сферы охвата, конвергенция со смежными практиками информационно-контрольного характера. Хорошим примером может послужить практика

Совета по МСФО, стремящегося объединить под своей эгидой процесс стандартизации нефинансовой отчетности (Extended External Reporting) и скоординировать многочисленных регуляторов в этой сфере по развитию систем ESG-показателей для создания единого подхода и гармонизации этой части отчетной информации. Скорее ситуацию с цифровым бумом следует рассматривать как катализатор развития концептосферы учета, его предметной области, методологии, продукта и самой бухгалтерской профессии. В настоящей статье будут рассмотрены отдельные аспекты развития и модернизации учета как информационной практики в условиях цифровизации социально-экономической среды.

Вопросам трансформации бухгалтерского учета в современных условиях, в частности, в условиях цифровизации, посвящено достаточно много трудов как в российской, так и в зарубежной литературе. Большой пласт исследований сформировался в области влияния цифровых технологий на бухгалтерский учет – здесь можно отметить работы Пожарицкой И.М., Лыбынцева Н.Т., Рожновой О.В., Яровой В.В., Рузинской А.Б. и других.

Однако несмотря на серьезный интерес ученых и практиков к данной проблематике, полномасштабных исследований в области цифровой трансформации учета, спроецированных на изменения учетных объектов, методов и информационного продукта, пока не вполне достаточно для конвергенции мнений, формирования в профессиональном сообществе более или менее согласованного подхода и соответствующего апгрейда методологической базы. Целью настоящей публикации является рассмотрение влияния основных трендов цифровизации на бухгалтерский учет, его развитие в современных условиях, модернизацию объектов, методов, семантики и информационного продукта.

2. Методы и результаты исследования

Проведение исследования основано на общенаучных методах, на специальных методах описательного, причинно-следственного характера с использованием сравнения и изучения накопленного опыта, анализа и синтеза.

Влияние особенностей современной экономической среды и цифровизации на бухгалтерский учет является комплексным и существенным и затрагивает как методологические, так и организационно-технические его аспекты.

Соответственно формируется потребность в расширении предметного поля учета, его концептуальной сферы, которая охватывает интересы разных групп и институтов, являющихся стейкхолдерами, и в той или иной степени влияющих на информацию, социальные практики, взаимоотношения с природой, властью, территориальными образованиями, силами рынка и общественными слоями. Содержание информационного продукта учета дополняется рядом данных, показателей и раскрытий (пояснений), которые все больше затрагивают нефинансовые аспекты деятельности организаций,

такие как, например, влияния на экологию и социум, стратегию компании и ее конкурентные и репутационные преимущества, риски, оценки ситуации руководством и другие данные, которые актуальны и важны для принятия решений менеджерами, инвесторами и другими стейкхолдерами. Учетная информация в условиях, когда цикл управления существенно сокращается во времени, предвидение возможных вариантов развития событий становится важнее информации «ex post», ситуационный и сценарный подход к управлению диктуется нестабильностью социально-экономической среды, все в большей степени должна охватывать прогнозные данные и предполагаемые оценки будущих событий, отражая, в частности, и состояние внешней среды.

При этом важную роль играет так называемая «инсайдерская» часть, традиционно относящаяся к внутренней управленческой учетной информации и далеко выходящая за рамки учетных принципов, регламентов и ограничений. Учетные практики должны развиваться так, чтобы поддерживать информационно в режиме реального времени новые модели управления, например, децентрализованного характера, без иерархической структуры, на базе agile-технологий, с формированием многофункциональных команд с коротким циклом целеполагания/планирования и открытой моделью взаимодействия с рынком внутри и вне компании; обеспечивать ситуативное управление в условиях кризисов и нестабильности внешней среды, оперативно генерировать показатели и индикаторы, необходимые не только для финансовых рынков, но и для институтов, оценивающих неэкономические показатели деятельности (экологические, регионального устойчивого развития и т.д.). В современных условиях важно не просто зафиксировать информацию с определенным временным лагом обобщения, а создать возможность оперативного отслеживания состояния внешней и внутренней среды, ситуативного управления, возможности оценки и оперативного изменения бизнес-моделей. Все это становится технически возможным благодаря цифровым технологиям, например, анализа больших данных, элементов интернета вещей и т.д., при этом роль учета больше смещается в сторону содержания информации, которая должна формироваться для обеспечения потребностей существующих и возможных заинтересованных лиц и институтов (в том числе с учетом трансграничных смежных практик) и связующего звена между информационной системой и ее потребителями. Эта часть функционала не может стать цифровой, поскольку предполагает наличие профессионального суждения на базе системы специальных знаний, опыта и интуиции и основывается на комплексном видении, сочетающем экономический, управленческий, ситуационный, информационный, социологический, этический, бихевиористический, прогностический, прагматический, этический и другие существующие подходы к бухгалтерскому учету.

Логичными возможностями расширения сферы охвата учета может быть система формирования фильтров достоверности отчетности, ее вери-

фикация для финансовых рынков и инвесторов, государственное и муниципальное управление ресурсами и потоками ценностей и другие. В контексте институционального подхода и парадигмы позитивизма учет дает возможность не только оценивать реакции институтов и акторов рынка на отчетную информацию, но и определенным образом влиять на них, формируя интерактивную информационную среду. Интеграция с другими информационными и контрольными практиками дает возможность расширения методологической базы учета, отхода от чисто финансового, ретроспективного и специфичного характера отчетной информации, охвата внутренних процессов, сферы и качества управления на разном уровне, мониторинга и оперативной локализации узких мест и проблем, быстроты реагирования на кризисные ситуации.

При этом акцент смещается на выбор генерируемых для стейкхолдеров данных и механизма их подачи для поддержки процессов стратегического и ситуативного управления, формирования инвестиционной привлекательности и репутационного капитала, профессионального суждения по существу отражаемого контента с учетом предполагаемой реакции потребителя, совокупности норм стандартов, комплексного видения ситуации и экономической логики.

Исследования отчетности, проведенные в работе В.П. Суйца, А.Н. Хорина, А.Д. Шеремета [1], увязывают разные виды отчетов с информационными ожиданиями стейкхолдеров и с расширенным пониманием как ресурсов (природных, социальных, общественных), вовлеченных в процесс функционирования экономического субъекта, так и генерируемых компанией ценностей, и комплексных результатов деловой активности – экономической, социальной и экологической. При этом отчетность выполняет не только информационную функцию, обеспечивая прозрачность данных о деятельности субъекта, его экономическом потенциале, рисках, стратегии и тенденциях развития, но и в рамках коммуникативной функции позволяет укреплять доверие, выстраивать диалог с заинтересованными сторонами и минимизировать агентские конфликты. Это вписывается в позитивистскую теорию учета, акцентирующую роль бухгалтерской информации как средства влияния на рынок, институты и социум, способного формировать реакции, действия и желаемые экономические последствия. И как справедливо отмечают Каморджанова Н.А. и Селезнева А.В. в соответствии с теорией рациональных ожиданий (Дж. Мут, Р. Лукас), фактором влияния на экономическую деятельность являются прогнозируемые будущие сценарии развития экономики, информация о которых формирует ответные действия экономических субъектов и тем самым определяет экономическую конъюнктуру [2].

В этих условиях учет цифровизации выполняет двоякую функцию: одновременно и отражает цифровые объекты и, в свою очередь, генерирует некий цифровой продукт в виде многомерной совокупности цифровой информации либо инкапсулированной функциональности, которая может быть

использована любым пользователем на базе электронной цифровой платформы (рис. 1). То есть бухгалтерский учет не просто распознает, идентифицирует, оценивает и отражает активы цифрового характера, но и формирует цифровой продукт, который также обладает характеристиками актива.

Рис. 1. Предметно-содержательные аспекты учета в условиях цифровизации

Во-вторых, на наш взгляд, цифровая трансформация в определенной степени затрагивает понятийный аппарат, лежащий в основе семантики бухгалтерского учета. Так, традиционное содержание таких ключевых категорий, как активы, требования к активам, обязательства, ресурсы, права собственности и права пользования, несколько меняется и становится более широким. Допустим, традиционно к активам относятся те экономические ресурсы, которые контролируются организацией вследствие прошлых событий и обладают потенциалом для создания экономических выгод [1]. В соответствии с Концептуальными основами представления финансовых отчетов каждое право организации представляет собой отдельный актив, при этом для целей учета связанные права зачастую рассматриваются в качестве одной единицы учета, например, право собственности на объект определяет возникновение нескольких прав – пользования, продажи, передачи в залог и т.д. В условиях современной экономики актив может быть представлен только одним правом из перечисленных – правом пользования данным объектом и контроль над данным ресурсом при условии передачи в пользование (шеринг) его рабочего ресурса может быть также ограничен. Шеринговая экономика или экономика совместного потребления может быть определена как бизнес-модель, предполагающая передачу на онлайн-площадках возможности совместного использования актива (временного доступа к использованию его рабочего ресурса вместо владения самим активом) на основе отношений аренды и обмена. Кстати, вопрос о том, что забалансовые активы могут позиционироваться как ресурсы, генерирующие эко-

номические выгоды, и включаться в активы, уже возникал на страницах специальной литературы.

Соответственно возникает потребность в ревизии содержания понятия «актив», возможно, имеет смысл обратиться на расширенное толкование понятия активов в соответствии с концепцией имущества, разработанной Европейским судом по правам человека, предполагающей отнесение к ним не только имущественных прав, но и экономических интересов, законодательно не оформленных как имущество (например, будущих доходов, разрешений, деловых контактов и т.д.), как отмечает М. Рожкова [2]. В работах О.С. Байдиной, Е.В. Байдина [3] акцентируется понимание актива как права требования, а А.В. Варнавский предлагает использовать более общее понятие ресурс, как «некое средство или возможность для осуществления чего-либо» [4]. Говоря о природе актива, в любом случае следует отметить его способность воплощать некую экономическую выгоду, представляющую собой право на получение денег, иных активов, услуг, благ или преимуществ, которое является следствием контроля над активом или его рабочим ресурсом в виде права собственности или права пользования. При этом, как отмечает Лутченко В.А., неважно, что является основанием возникновения таких прав – договор или контракт в традиционном понимании, или шифрование и коды, как продукт информационно-коммуникационных технологий [5].

Примером, иллюстрирующим расширение границ трактовки актива в условиях цифровизации, может послужить, допустим, модель обслуживания SaaS (программное обеспечение как сервис или программное обеспечение по требованию), предполагающая получение на постоянной основе от провайдера «облачной» услуги, по сути, эквивалентной владению активом (программным обеспечением) – при недостаточном соответствии формальным критериям признания активом, по сути, такая услуга может им считаться. Еще одним любопытным подходом, расширяющим границы трактовки активов, можно считать предложение относить к активам периодические потоки выручки (периодический доход), например, у компаний, которые имеют регулярные потоки доходов на основании платных подписок (допустим, те же провайдеры SaaS), которым предлагается признать право на такие потоки выручки активом, который может продаваться отдельно, обеспечивая стабильность финансирования [6].

В-третьих, возникает ряд принципиально новых объектов учета, которые требуют идентификации, оценки и отнесения к уже существующим или новым категориям учетных объектов для представления в общем массиве учетной информации для заинтересованных лиц. Цифровизация привела к возникновению принципиально новых форм активов, обязательств и капитала: виртуальное имущество, цифровая валюта и цифровые активы, в том числе токены (акции, кредитные, утилитарные токены), криптовалюта и т.д.

Если часть таких активов, например, виртуальное цифровое имущество, достаточно легко можно отнести к определенной категории активов на основе их экономической природы и существующих критериев признания активов определенного вида (нематериальных в данном случае), то часть объектов цифрового происхождения сложно однозначно отнести к определенной категории имущества или источников средств – например, токены, представляющие собой права или претензии на обслуживание, инструменты долгового/долевого участия и т.д. Отражение новых цифровых объектов предполагает не только развитие традиционных учетных методик, но и формирование новых подходов к их признанию и таксономии.

При идентификации объектов учета цифрового характера возникают определенные сложности, связанные с тем, что данные объекты во многом являются новыми, нетипичными для хозяйственной практики, не всегда согласованными понятийно и определенными законодательно, поэтому сложно описываются существующими дескрипторами. Попытки их систематизации предпринимаются многими авторами, однако согласованного взгляда здесь пока не выработано.

Чаще всего речь идет о цифровых активах, несколько реже – об объектах цифровых прав. Варнавский А.В. справедливо отмечает разницу между понятиями «цифровой», «электронный», «виртуальный» и «криптографический», отталкиваясь не столько от экономической сущности, сколько от технологических аспектов формирования и применения соответствующих объектов [4]. Понятие «электронный» включает большой спектр того, что не является цифровым и тем более виртуальным (например, синтезаторная музыка или телевизионное изображение), но, в частности, и информацию, полученную или переданную в цифровом виде. В отличие от электронного, цифровой предполагает запись информации в двоичном формате и может быть связан только с объектами, переведенными в бинарный код, который используется в информационно-коммуникационных технологиях, основанных на компьютерной обработке и передаче данных. Под виртуальным понимается некая воображаемая или придуманная сущность, имитированная или симулированная с помощью программных средств, существующая только в виртуальном мире, но при этом имеющая возможность соприкоснуться с реальными сущностями через дополненную реальность. Как отмечает Василевская Л.Ю., «речь идет о «не существующем в физической действительности, но появляющемся благодаря программному обеспечению» мире, функционирующем по правилам логико-математических средств (алгоритмов) информационных систем [7]. Понятие «криптографический» предполагает двоичный формат, возможность распределенного хранения и защиту с помощью криптографических алгоритмов. Таким образом, цифровые объекты являются подмножеством электронных, а виртуальные и криптографические – подмножествами цифровых. Поэтому тот факт, что наиболее часто как присущие новой экономике упоминаются именно цифровые объекты

учета, является вполне логичным и обоснованным. В их составе прежде всего упоминаются цифровые активы, электронные деньги, виртуальное цифровое имущество, реже – смарт-активы и смарт-контракты, элементы технологии блокчейн и другие объекты.

Под цифровыми активами, в самом широком понимании, подразумеваются те ресурсы, которые существуют в бинарном (двоичном) формате, на которые распространяются право собственности и право пользования. Богатая И.Н., Евстафьева Е.М. определяют цифровой актив как «объект гражданских прав, выраженный в виде записи в распределенной информационной системе при помощи программных и аппаратных средств обработки данных» [8]. Кудь А.А. отмечает, что «цифровой актив представляет собой набор цифровых (двоичных) данных, которые являются автономными, уникально идентифицируемыми и имеют определенную ценность» [9].

В связи с феноменальным ростом интереса в последние десятилетия к технологии блокчейн и криптовалютам чаще всего в разработках авторов как новые объекты учета исследуются не просто цифровые, а цифровые финансовые активы. Богатая И.Н. и Евстафьева Е.М. в состав цифровых финансовых активов включают криптовалюты, токены и цифровые знаки [8]. В исследовании Пожарицкой И.М. к ним относятся такие объекты, как токен, криптовалюта, блок транзакции, цифровые записи, права собственности в реестре транзакций [10]. Лутченко В.А. конкретизирует понятие цифровых финансовых активов, предлагая относить к ним производные финансовые инструменты (фьючерсы, опционы) и финансовые суррогаты (криптовалюту и токены) [5].

Долгое время на правовом уровне эти понятия оставались не определенными, что затрудняло их идентификацию как объектов права и отражения в системе экономической, в частности, учетной информации. Принятый во втором чтении в июле 2020 года Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в частности, дал официальное толкование двух важных в условиях цифровой экономики понятий – цифровых финансовых активов и цифровой валюты. В соответствии с ним цифровые финансовые активы определяются как «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов, ...выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» [11]. Официальная трактовка ограничивает перечень цифровых финансовых активов данным перечнем.

Несколько упростив и адаптировав формулировку законодателя к бух-

галтерской терминологии, можно определить, что к такого рода активам относятся цифровые права на активы, которые могут быть востребованы в форме денег, ценных бумаг или прав участия, процедура выпуска и обращения которых связана с записями в информационную систему, причем как на основе блокчейна (распределенный реестр), так и в иные информационные системы – то есть финансовые инструменты (в том числе и производные), криптовалюта и токены.

Вместо термина «криптовалюта» в принятом законе используется «цифровая валюта», которая представляет собой совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения) в системе, которые могут быть приняты как инвестиции или средство платежа, не являющееся денежной единицей; и в отношении которой нет лица, обязанного перед каждым ее обладателем. Цифровая валюта считается имуществом согласно нормам законов о банкротстве и об исполнительном производстве. По сути, определение коррелирует с дефиницией, данной глоссарием Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), где криптовалюта – это «создаваемое и учитываемое посредством применения информационно-телекоммуникационных технологий имущество, не номинированное в валюте Российской Федерации или иностранных государств, которое может использоваться неопределенным кругом лиц для осуществления платежей и не является при этом электронными денежными средствами. Криптовалюта не является законным средством платежа» [12]. В данном определении криптовалюта не привязывается к конкретной технологии, как, например, блокчейн, и может относиться к криптовалюте не только с алгоритмической эмиссией.

Определяя сущность криптовалюты как учетного объекта можно выделить четыре основных подхода к определению правового статуса криптовалюты: валюта, денежный суррогат, финансовый инструмент или товар, как отмечает Варнавский А.В. [4].

Изначально криптовалюта создавалась с целью обеспечения надежности и безопасности финансовых расчетов, а не как инвестиционный инструмент. Однако высокая волатильность курса, дающая возможность многократного увеличения стоимости, привела к стремительному росту популярности криптовалюты как объекта инвестирования.

Существуют электронные деньги на базе смарт-карт и на базе сетей, а по необходимости идентификации пользователя можно выделить анонимные и персонифицированные системы. Кроме того, в составе электронных денег различаются фиатные и нефиадные деньги. Если первые выражены в государственной валюте определенного государства и являются разновидностью денежных единиц его платежной системы, и их оборот регулируется Центробанком (например, PayPal – на основе сетей, Visa Cash – на основе смарт-карт), то нефиадные электронные деньги выступают электронными единицами стоимости негосударственных платежных систем, их эмиссия,

обращение и обмен на фиатные деньги происходят по правилам этих платежных систем и государство не обеспечивает надежность и реальную ценность этих стоимостных единиц (например, WebMoney, «Яндекс.Деньги», QIWI, «Элекснет», EasyPay и другие) [12].

Федеральный закон «О национальной платежной системе» определяет электронные денежные средства как денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа [4]. Согласно российскому законодательству электронные деньги включают персонифицированные и неперсонифицированные электронные средства частных лиц и корпоративные электронные средства юридических лиц и частных предпринимателей.

В отличие от криптовалюты электронные деньги используются как средство платежа и не несут в себе инвестиционной функции, соответственно и в учете должны отражаться, как денежные средства. Как отмечает Варнавский А.В., «криптовалюта принципиально отличается от электронных денег, которые являются лишь механизмом перевода фидуциарных денег в цифровом формате» [4].

Токен, по определению РАЭК, представляет собой «создаваемое и учитываемое посредством применения информационно-телекоммуникационных технологий право требования в отношении определенного объекта гражданских прав, осуществление или передача которого возможно только посредством внесения записи в распределенном реестре прав» [12]. В определении подчеркивается разный характер прав на определенный объект – имущественное право абсолютного характера для криптовалюты и имущественное право обязательственного характера для токена (есть конкретный субъект, отвечающий по данному обязательству); обязательность фиксации перехода прав на токен в распределенном реестре; также отмечается, что криптовалюта и токен имеют много общего и возможно существование гибридных токенов, выполняющих функции средства платежа, как и криптовалюта. К общим характеристикам токена и криптовалюты можно отнести следующие: то, что они являются расчетными единицами, имеют алгоритмы криптозащиты, базируются на использовании технологии блокчейн (при этом токены, являясь дочерней валютой, используют блокчейн тех систем, на базе которых они были сгенерированы, либо сторонние «материнские» блокчейн-сет). Отличительными свойствами токена является то, что относительно токенов, в отличие от криптовалюты, не

существует условия выпуска в обращение на основе консенсуса Proof of Work, то есть они не могут быть получены вследствие генерации путем майнинга – механизма определенных вычислений (закрытия блока) с использованием компьютерных ресурсов, заложенного в алгоритмы многих криптовалютных проектов. Важным моментом является то, что токены, в отличие от криптовалют, изначально создаются, как инвестиционный инструмент, использование которого предполагает обмен на определенные услуги или другие криптовалюты. Токен отличается высокой степенью централизации, особенно на стадии эмиссии (ICO); он выпускается в обращение на основе специальных платформ по решению создателей проекта, которые и определяют первоначально его актуальный курс. Наиболее интересной чертой токенов является то, что они могут обозначать «имущественное право на вполне материальные вещи (например, один токен может быть приравнен к одному квадратному метру жилой площади или одному килограмму моркови) или получение «реальных» услуг (например, на просмотр фильма в кинотеатре) либо означать предоставленное лицу, которое приобрело инвестиционные (security) токены, право на получение прибыли компании и т.п.» [2].

Фактически выступая не более чем цифровой записью, токен выполняет несколько функций, являясь одновременно цифровым кодом объекта, цифровым ключом, позволяющим идентифицировать его владельца, а также может рассматриваться как товар, являющийся цифровой мерой цены некоего объекта – доли участия в капитале, в инвестиционном или бизнес-проекте и право на участие в его прибылях (токены-акции и кредитные коины), бездокументарных ценных бумаг, сертификатов на товары, услуги, прав на дисконт и других объектов гражданских прав. Токен приобретается за криптовалюту и обозначает соответствующие права на некие активы в их расширенном понимании. Кроме того, токен может выполнять и функцию внутренней валюты проекта (цифрового денежного знака, являющегося средством платежа), который можно обменять как на иные цифровые объекты, так и на оплату реальных услуг или ценностей.

Удобная для понимания сущности токенов классификация представлена в электронном ресурсе [5]. В ней токены группируются по пяти базовым направлениям: цель, правовой статус, базовая ценность, применение и технический уровень. В зависимости от цели выделяют чистую криптовалюту, токен для использования в конкретной сети (Network token) и для инвестиций в объект, актив или компанию (Investment token). По правовому статусу выделяют токены для получения права собственности (Security tokens), токены для получения определенной, как правило, уникальной услуги (Utility tokens) и криптоактивы (Cryptocurrency). По критерию базовой ценности (той, которая является источником стоимости токена) можно выделить токены, привязанные к некоему базовому активу, по аналогии с долговой распиской (Asset-backed token), привязанные

к ценности и развитию сети (Network value token) и токены, представляющие собой, как акции, долю участия (Share-like token). По критерию применения выделяются токены, предоставляющие доступ к определенной услуге (Usage tokens), рабочие токены, позволяющие вносить вклад в работу системы за определенные вознаграждения или услуги системы (Work tokens) и гибридные, сочетающие свойства первых двух видов. По технологическому уровню – используемые в основной сети на уровне протокола (Blockchain-native tokens), используемые поверх основной сети (Non-native protocol tokens) и токены, используемые в приложениях (App-tokens) [5]. Используя данную классификацию, можно выделить подходы к отнесению токенов к тому или иному виду учета. Однако в любом случае очевидно, что токен выступает формой финансирования – как долевого, так и долгового – для проекта, в котором он эмитируется, и в этом он аналогичен источнику собственного или заемного капитала, а с другой стороны – формой вложения средств для приобретателя, представляющей собой либо инвестирование, либо приобретение услуг или ценностей текущего характера.

Виртуальное цифровое имущество обычно определяется, как те нематериальные объекты, которые имеют экономическую ценность, но при этом могут быть использованы только в виртуальном пространстве – например, доменные имена, игровое имущество, аккаунты в соцсетях и т.д. [2]. Из выделенных авторами Богатой И.Н. и Евстафьевой Е.М. [8] семи отличительных свойств виртуального цифрового имущества можно согласиться с такими, как наличие протокола функционирования такого виртуального актива с правилами и условиями его использования; обеспеченность имуществом или имущественными правами; цифровой характер и наличие механизмов восстановления доступа.

Систематизация цифровых активов как объектов бухгалтерского учета пока является достаточно неоднозначной. Это связано как с развитием самих цифровых активов, так и признанием их таковыми. На основе проведенного исследования предлагается прежде всего структурировать цифровые объекты бухгалтерского учета следующим образом.

Цифровые активы в широком понимании включают все активы, имеющие цифровую форму и определенную ценность для экономического субъекта, вне зависимости от способа ее выражения и наличия права собственности на данный ресурс или только право пользования им. В составе цифровых активов можно выделить то, что является цифровым продуктом (результатом создания добавочной стоимости рассматриваемым экономическим субъектом) или цифровым ресурсом (активом, правом на получение неких услуг, благ или иных объектов, имеющих ценность для рассматриваемого субъекта).

Цифровые активы включают:

– информационные активы, к которым можно отнести структури-

рованные цифровые данные, например, база данных, отчетность предприятия и цифровой продукт, фактором создания добавленной стоимости которого является использование определенных знаний (допустим, анализ имеющихся данных или финансовой отчетности). Еще более развитой формой цифрового продукта является инкапсулированная в сети в цифровом формате инфраструктура, позволяющая пользователю такого продукта удаленно получать некий функциональный или информационный продукт (например, ведение учета, составление отчетности, анализ и т.д.);

– цифровые финансовые активы, включающие финансовые инструменты, цифровую (в том числе крипто-) валюту и токены (констатирующие права на определенные виртуальные или реальные ценности), электронные деньги, в том числе фиатные и нефитные;

– цифровые нефинансовые активы, включающие виртуальное цифровое имущество, права доступа к электронным сервисам или платформам и т.д.

Важным следствием цифровизации являются существенные изменения не просто в технике бухгалтерского учета, но и в методе учета, который сложно рассматривать незыблемым в эпоху шестого технологического уклада и стремительного развития высоких технологий: сегодня практически все элементы метода определенным образом трансформируются в условиях экономики знаний и цифровых технологий.

В наибольшей степени цифровая трансформация, конечно, может изменить методологию учета, его технику и организацию. В экономике шестого уклада речь, безусловно, идет не просто об автоматизации учета, а о принципиально новом уровне организации и инструментария сбора, обработки и движения информации. Фиксация первичных данных в условиях интернета вещей предполагает генерацию и валидацию в цифровой среде без участия человека. Цифровые активы, цифровые права и транзакции в электронной среде не требуют привычной процедуры документального обоснования, т.к. фиксация хозяйственного факта и его юридическое подтверждение процедурно уже «зашиито» в сделку на цифровой платформе. В меньшей степени, но могут быть алгоритмизированы процедуры оценки. В стоимостной оценке, тем не менее, невозможно обойтись без профессионального суждения и принятия решения на базе неформального опыта профессиональным, но не искусственным интеллектом. Оценка объектов нефинансового характера, связанных с корпоративной социальной ответственностью, экологической безопасностью, качеством управления, рисками, является задачей нестандартной и требующей обоснованного мнения и неформального опыта профессионала. Интересно, что в условиях цифровой экономики и ценностные характеристики объектов учета не всегда могут быть выражены в деньгах, и деньги перестают быть безусловно единственным мериллом полезности и ценности объекта.

3. Заключение

Результатами проведенного автором исследования является ряд положений, определяющих пути трансформации бухгалтерского учета в условиях цифровизации информационной среды – в частности:

– необходимость переосмысления функционала и содержания учета, как вида информационных практик;

– ревизии смыслового наполнения ряда его базовых категорий, например, расширенное понимание активов, требующее более четкого определения критериев их признания и систематизации;

– значительное расширение круга объектов бухгалтерского учета, связанных с новыми экономическими практиками и бизнес-моделями;

– апгрейд-методов и процедур под новые технологические возможности и информационные потребности.

Предложенные подходы к определению цифровых и связанных с ними объектов учета могут быть использованы для разработки методик их систематизации, признания и отражения в отчетности.

Положения, выдвигаемые автором, могут выступать основой для дальнейших обсуждений и разработок в области теории и практики бухгалтерского учета.

Оценивая влияние цифровых технологий на бухгалтерский учет, можно сделать вывод о том, что они могут рассматриваться не как угроза его дальнейшему существованию, а как средство развития методологической и инструментальной базы, позволяющее развивать методы учета в содержательной, а не технологической плоскости.

Список источников

1. Байдина О.С., Байдин Е.В. Финансовые риски: природа и взаимосвязь // *Деньги и кредит*, 2010, no. 7, с. 29-32.

2. Богатая И.Н., Евстафьева Е.М. Влияние цифровизации экономики на развитие учетно-аналитического обеспечения управления коммерческой организацией // *Учет и статистика*, 2019, no. 3 (55), с. 34-42.

3. Варнавский А.В. Токен или криптовалюта: технологическое содержание и экономическая сущность // *Финансы: Теория и Практика*, 2018, no. 22 (5), с. 122-140.

4. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // *Актуальные проблемы российского права*, 2019, no. 5 (102), с. 111-119.

5. Кошелев К.А. Определение катего-

рии «цифровые финансовые активы»: экономический, правовой и учетный аспекты // *Инновации и инвестиции*, 2021, no. 2, с. 114-117.

6. Кудь А.А. Обоснование понятия «цифровой актив»: экономико-правовой аспект // *International Journal of Education and Science*, 2019, no. 49. Доступно: <https://www.bitbon.space/ru/what-is-a-digital-asset> (дата обращения 12.04.2022).

7. Лутченко В.А. Совершенствование понятия цифровой финансовый актив в аспекте бухгалтерского учета // *Материалы XIV международной научной конференции «Бухгалтерский учет, анализ и аудит: история, современность и перспективы развития»*. Санкт-Петербург, 2019, с. 99-105.

8. Пожарицкая И.М. Проблемы идентификации и признания цифровых фи-

нансовых активов в учете // *Учет. Анализ. Аудит*, 2018, по. 6, с. 61-66.

9. Пожарицкая И.М. Субъекты и объекты учета при создании и обращении цифровых финансовых активов // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики»*. Севастополь, 2018, с. 78-81.

10. Санькова К.А. Цифровые финансо-

вые активы: особенности бухгалтерского учета по РСБУ и МСФО // *Матрица научного познания*, 2022, по. 3-2, с. 78-87.

11. Федоренко Л.А. Цифровые финансовые активы как активы бухгалтерского учета // *Экономика и социум*, 2020, по. 9 (76), с. 383-386.

12. Щавелев А.В. Цифровые финансовые активы, цифровая валюта и цифровые деньги // *Инновации. Наука. Образование*, 2021, по. 33, с. 826-831.

OBJECTS OF ACCOUNTING IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION AND NON-STATIONARY SOCIO-ECONOMIC ENVIRONMENT

Odintsova Tatyana Mikhailovna, Cand. Sci. (Econ.)

Sevastopol State University, Universitetskaya st., 33, Sevastopol, Russia, 299053;
e-mail: odintsova06@mail.ru

Importance: issues of accounting in a non-stationary environment and digitalization due to the complexity of the perception of many new and non-standard economic objects to be recognized and reflected in the reporting information system, a replicated opinion on replacing accounting with artificial intelligence in the near future. *Purpose:* identification of the most significant factors influencing the accounting system, assessment of the vision of its conceptual sphere, characteristics of a number of new accounting objects, and areas of modernization in the face of modern challenges. *Research design:* the authors offer a vision of the prospects for the development of accounting, changes in its subject field, objects and methods in the context of the digital transformation of socio-economic processes. The emphasis is on understanding the role of accounting in the digital information environment, changes in its semantics and conceptual apparatus, the definition of digital and digital transformation-related objects, ways of developing accounting methods and procedures. *Results:* a vision of further opportunities for the development and modernization of the theory and accounting practices.

Keywords: accounting, digitalization, objects, methodology, asset, digital assets, digital financial assets, virtual digital property, digital rights, cryptocurrency, electronic money, tokens.

References

1. Bajdina O.S., Bajdin E.V. Finansovy`e riski: priroda i vzaimosvyaz`. *Den`gi i kredit*, 2010, no. 7, pp. 29-32. (In Russ.)
2. Bogataya I.N., Evstaf`eva E.M. Vliyaniye cifrovizatsii e`konomiki na razvitiye uchetho-analiticheskogo obespecheniya upravleniya kommercheskoj organizatsiej. *Uchet i statistika*, 2019, no. 3 (55), pp. 34-42. (In Russ.)
3. Varnavskij A.V. Token ili kriptovalyuta: texnologicheskoe soderzhanie i e`konomicheskaya sushhnost`. *Finansy` : Teoriya i Praktika*, 2018, no. 22 (5), pp. 122-140. (In Russ.)
4. Vasilevskaya L.Yu. Token kak novy`j ob`ekt grazhdanskix prav: problemy` yuridicheskoy kvalifikatsii cifrovogo prava. *Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava*, 2019, no. 5 (102), pp. 111-119. (In Russ.)
5. Koshelev K.A. Opredelenie kategorii «cifrovye finansovy`e aktivy`»: e`konomicheskij, pravovoj i uchethny`j aspekty`. *Innovatsii i investitsii*, 2021, no. 2, pp. 114-117. (In Russ.)
6. Kud` A.A. Obosnovanie ponyatiya «cifrovoy aktiv»: e`konomiki-pravovoj aspekt. *International Journal of Education and Science*, 2019, no. 49. Available at: <https://www.bitbon.space/ru/what-is-a-digital-asset> (accessed: 12.04.2022). (In Russ.)

7. Lutchenko V.A. Sovershenstvovanie ponyatiya cifrovoj finansovy`j aktiv v aspekte buxgalterskogo ucheta. *Materialy` XIV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Buxgalterskij uchet, analiz i audit: istoriya, sovremennost` i perspektivy` razvitiya»*. Sankt-Peterburg, 2019, pp. 99-105. (In Russ.)
8. Pozhariczskaya I.M. Problemy` identifikacii i priznaniya cifrovyx finansovy`x aktivov v uchete. *Uchet. Analiz. Audit*, 2018, no. 6, pp. 61-66. (In Russ.)
9. Pozhariczskaya I.M. Sub`ekty` i ob`ekty` ucheta pri sozdanii i obrashhenii cifrovyx finansovy`x aktivov. *Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual`ny`e voprosy` ucheta i upravleniya v usloviyax informacionnoj e`konomiki»*. Sevastopol`, 2018, pp. 78-81. (In Russ.)
10. San`kova K.A. Cifrovye finansovy`e aktivy`: osobennosti buxgalterskogo ucheta po RSBU i MSFO. *Matricza nauchnogo poznaniya*, 2022, no. 3-2, pp. 78-87. (In Russ.)
11. Fedorenko L.A. Cifrovye finansovy`e aktivy` kak aktivy` buxgalterskogo ucheta. *E`konomika i socium*, 2020, no. 9 (76), pp. 383-386. (In Russ.)
12. Shhavelev A.V. Cifrovye finansovy`e aktivy`, cifrovaya valyuta i cifrovye den`gi. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, no. 33, pp. 826-831. (In Russ.)